

DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.47  
УДК 930 (571.54)  
ББК 63.2 (2Р54)

*Ш.Ц. ЦЫДЭНЭ*

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА ИСТОРИИ  
ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ СИБИРСКИХ  
«ИНОРОДЦЕВ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ  
(1920-1930-Е ГГ.)\***

В статье рассматриваются труды советских историков на предмет преемственности с наработками дореволюционных коллег по проблеме истории нормативно-правового регулирования самоуправления сибирских «инородцев». Основанием этой связи стала научная традиция, носители которой

---

\* Исследование выполнено в рамках государственного задания – проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии (номер госрегистрации: 121031000263-3).

продолжали исследования в новых исторических условиях. В результате обнаружена схожесть в работах отечественных ученых последней трети XIX и первой трети XX вв., однако, ко второй половине 1930-х гг. исследования приходят в соответствие со строгими рамками классовой теории.

**Ключевые слова:** историография, инородцы, самоуправление, источник права, обычное право, история бурят.

*SH.TS. TSYDENE*

## THE REGULATORY AND LEGAL BASIS OF THE HISTORY OF THE SELF-GOVERNING BODIES OF SIBERIAN «NON-RUSSIAN» IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY (1822-1930S)

The article examines the works of Soviet historians on the subject of continuity with the achievements of pre-revolutionary colleagues on the problem of the history of the legal regulation of self-government of Siberian «non-russian». The basis of this connection was the scientific tradition, the bearers of which continued research in new historical conditions. As a result, the similarity was found in the works of Russian scientists of the last third of the XIX and the first third of the XX centuries, however, by the second half of the 1930s, the research was squeezed into the strict framework of class theory.

**Keywords:** historiography, «non-russian» (inorodtsy), self-government, source of law, customary law, history of the Buryats.

Нормативный источник – это официальный документ, выраженный в письменной форме, который принимается компетентными государственными органами. Мы обращаем внимание на источники права, регламентирующие жизнедеятельность сибирских «инородцев», их самоуправление в составе Российской империи в XIX – начале XX вв., которые прошли через научную обработку в 1920-1930-е гг. и стали частью отечественной историографии.

Сложившееся в советской историографии представление о данном этапе развития отечественной историографии емко выразил Ф.А. Кудрявцев, который справедливо считал, что в 1920-1921 гг. начался совершенно новый период изучения истории Сибири, и в том числе истории бурят, который был связан с развитием государственности Бурят-Монголии [1, с. 27]. Спустя десятилетия Л.М. Дамешек и Б.Ц. Жалсанова выделили основные признаки свойственные историографии данного этапа: а) публицистический характер; б) относительный плюрализм в сфере исторического знания; в) формирование марксистской исторической концепции и вытеснение иных теоретико-концептуальных подходов [2, с. 31; 3, с. 95]. В историографических исследованиях иркутских историков последних лет

также отмечается, что формирование советской историографии происходило в борьбе со старой методологией [4, с. 84; 5, с. 163, 166].

Таким образом, мы видим противоречивую картину развития отечественной историографии в 1920-1930-е гг. В частности, разъяснения требует вопрос преемственности в трудах советских исследователей: каким образом они в конкретных исторических условиях, изучая проблему нормативно-правовой базы самоуправления сибирских «инородцев», в частности бурят, развивали концепции дореволюционных предшественников.

В 1921 г. профессор В.А. Рязановский в исследовании по обычному праву бурят закрепил точку зрения Н.М. Ядринцева и В.И. Вагина об ограниченном вмешательстве властей «во внутреннюю жизнь инородцев», в их управление и суд первой инстанции, а также оказался солидарен с А.Н. Куломзиным и А.А. Кауфманом в оценке состояния традиционных норм бурят в конце XIX в. как разложившихся под натиском экономической необходимости [6, с. 266, 269; 7, с. 86-87; 8, с. 109; 9, с. 97; 10, с. 5, 19].

Новшеством и важным вкладом В.А. Рязановского была систематизация основных памятников обычного права бурят с позиции информативности в изучении правовой культуры «инородцев». Наиболее содержательными он считал внутренние документы и установил, что первым материалы по обычному праву балаганских бурят опубликовал М.Н. Хангалов, а Д.Я. Самоквасов издал в Варшаве уже дополненные материалы [10, с. 19-21].

Наиболее полно в исследовании представлены уложения забайкальских бурят. Опираясь на сведения, имеющиеся в основных уложениях и уставах: хэб (уложение) 1763 г.; дзакция (наказ) 1793 г.; хэб-токтогол (согласительный устав о торговле) 1800 г.; хэб (степное уложение) 1808 г., приговор сейма хоринских бурят 1818 г.; а также сведения сейма 1823 г., ученый подчеркнул преемственность в правовой культуре бурят [10, с. 26]. В.А. Рязановский затронул один из основополагающих вопросов о самостоятельности правовой культуры бурят, и был склонен считать, что бурятские уложения были самодостаточны [там же, с. 115-116].

Однако, имеется и иная точка зрения на этот вопрос. Так, И.И. Серебрянников считает, что законы у бурят с монголами были общие, а затем приспособленные [11, с. 30]. Но, вклад ученого не ограничивается этой дискуссией, он развил идеи А.Н. Куломзина о природе Устава 1822 г. как эффективного закона в условиях здорового состояния родовых отношений и заметил, что Устав «открывал перед бурятами... возможность перечисляться в другие сословия» [11, с. 33, 37; 8, с. 109].

В том же году, Ц. Жамцарано и А. Турунов проанализировали ряд документов, часть которых не имеют законодательный характер, но по ремарке авторов «все они носят нормативный характер» [12, с. 2]. Уче-

ные сделали упор на выяснении обстоятельств происхождения и анализ содержания источников права, также они ввели в научный оборот ряд новых уложений: общественный приговор 1817 г. «о порядке управления хоринских 11 родов», содержащий сведения об устройстве самоуправления «инородцев» до 1822 г. Кроме того, они рассмотрели общественный приговор 1820 г. со сведениями о численности хори, вместе со степным уложением 1823 г., который и был опубликован в сборнике Д.Я. Самоквасова, и Хоринское положение 1851 г. [там же, с. 8-9; 13, с. 105-147].

Таким образом, В.А. Рязановский, Ц. Жамцарано и А.Н. Турунов сформировали общий взгляд на эволюцию нормативной базы самоуправления бурят в части применения обычного права. Были выделены главные возбудители реформ во внутренних правовых нормах бурятских ведомств: несовершенство уложений либо воля русской администрации.

Обобщением накопленного дореволюционными учеными опыта занимался и востоковед, председатель Бурят-Монгольского ученого комитета Б. Барадин. Так, в 1927 г. он осуществил периодизацию истории «оформления бурят-монгольской народности» [14]. Период с 1822 г. до начала XX в. был обозначен ученым как время «колонизаторской и обрусительной политики». Несмотря на это, Б. Барадин считал, что Устав 1822 г. «имел либерально-покровительскую тенденцию» и дал бурятам «некоторую свободу самоуправления» [14, с. 48]. С. Фридман характеризовал Устав 1822 г. как регламентацию сложившихся у «инородцев» норм обычного права, и разделил мнение С.С. Шашкова о том, что в фокусе закона оказались лишь кочевые «инородцы» [15, с. 117; 16]. Так же ученый критически рассмотрел формы колонизационной политики империи в конце XIX – начале XX вв. [15, с. 119-120]. Тем самым законы, принятые тогда, стали частью обширной реформы, в которой за первенство боролись сторонники гомогенизации и прагматичности правового поля империи [17, с. 201].

Основываясь на материалах Степных дум, собранных в Центральном архиве Бурят-Монгольской республики, историк и архивист В.П. Гирченко ввел в научный оборот ряд документов нормативного характера. В 1926 г. он аннотировал и опубликовал документы по хозяйству и родовому управлению бурят и на этом основании выделил характерные случаи, по которым администрация вмешивалась во внутренние дела «инородцев» [18, с. 7-10].

В.П. Гирченко разделит позицию В.И. Якушина и Д.Я. Самоквасова о необходимости вести научные изыскания на материалах, «которые отложились в результате исторической жизни народности» [13, с. I-IV; 19, с. XVI; 20, с. I]. При интерпретации губернаторских инструкций 1800-х годов уче-

ный использует рассуждения В.И. Вагина, который ранее проанализировал комплекс распоряжений губернской канцелярии [6, с. 177, 322, 445; 20, с. 37]. Кроме того, он подтвердил мнение В.И. Вагина о работе комиссии хоринских родоначальников как начале разработки Устава 1822 г. [21, с. 5-6]. Он также подтвердил мысль предшественника о понимании М.М. Сперанским важности приграничного фактора при регулировании управления бурят [6, с. 262-263; 21, с. 5-6]. Таким образом, знание темы позволило В.П. Гирченко показать потенциал фондов региональных архивов [21, с. 18-19].

Переосмыслил перспективу изучения норм обычного права профессор Г.Ю. Манс. Он не только оценил вклад А.Ф. Кистяковского в методологию исследований, но и декларировал потребность в новых приемах для удовлетворения нужд науки и государства [22, с. 34-35]. Ученый не без основания считал, что живет в переходную эпоху, когда «интенсивно идет революционное правотворчество. Быстро растет число новых законов и кодексов» и следовало изучить сохранившиеся нормы обычного права и выяснить «отношение населения к новым законам», которые могли порвать «со всем дореволюционным правовым укладом» [там же, с. 35].

Обобщающий взгляд на колонизационные процессы в Российской империи сформировал М.М. Шульгин, и подчеркнул, что национальный момент в империи «осложнялся моментом классовым» [23, с. 99].

Позднее научные исследования стали развиваться в ключе изучения процессов классового расслоения. В.П. Гирченко установил точку отсчета в законодательном закреплении социального неравенства среди бурят с 1727 г., когда была проведена государственная граница [24; 25, с. 60]. Формируется концепция о различности классовых интересов родоначальников и родовичей в бурятском обществе [26, с. 124].

К концу 1920-х гг. в СССР возобладал классовый принцип в исследовании национального вопроса. В 1929 г. была опубликована статья Ш.Н. Ибрагимова, где под удар попали Б. Барадин, который по мнению Ибрагимова, отражал интересы «кулачества и духовенства, прикрываясь национализмом», и Г. Цыбиков, работы которого и «вовсе следовало запретить» [27, с. 46-47]. В том же году, первый секретарь Бурят-Монгольского обкома М.Н. Ербанов выступил с докладом, в котором заявил: «Мы живем и работаем в обстановке сильнейшего контрнаступления антисоветских элементов» [28, с. 9].

В 1929 г. был опубликован исторический очерк С.В. Бахрушина об истории «туземцев» под русской властью [29]. Ученый не только являлся представителем дореволюционной исторической науки, но и развил концепцию Н.М. Ядринцева об эволюции правительственной политики по отношению к коренным народам Сибири от завоевания к покровительству, придав ей системный характер через рассмотрение мотиваций

правительства и местных администраторов по регулированию управления сибирских «инородцев» [7, с. 86-87; 29, с. 80].

В 1931 г. профессор В.А. Рязановский, уже находясь в Харбине, при поддержке секретаря Монгольского ученого комитета Ц. Жамцарано закончил труд по истории правовой культуры «главных монгольских племен», где отдельно рассматривается история развития суда у бурят [30]. В первую очередь анализ был осуществлен на основании имперских законоположений, среди которых он выделил: инструкцию 1728 г., которая, по мнению ученого, стала фундаментом нормативно-правовой базы самоуправления «инородцев»; инструкцию 1763 г., которая определила характер дел подведомственных суду и самоуправлению сибирских «инородцев» [там же, с. 228]. А многие упущения инструкции, по справедливому мнению исследователя, были исправлены Уставом 1822 г. и Сводом степных законов 1841 г. Весьма плодотворным оказывается акцент В.А. Рязановского на документы внутреннего обихода бурят при рассмотрении событий второй половины XVIII и начала XIX вв., связанных с доработкой их судебной системы. Другим новшеством работы является анализ законоположений конца XIX и начала XX вв. по реформированию самоуправления и суда бурят [там же, с. 234]. Кроме того, В.А. Рязановский проанализировал ход эволюции нормативной базы самоуправления бурят на основании документов внутреннего пользования. Принимая во внимание работы дореволюционных коллег «А.Р., Спасского, Леонтовича и Гурлянда», В.А. Рязановский сделал вывод, что памятники обычного права бурят, и их правовая культура были самодостаточны [там же, с. 241].

Тем временем с 1928 г. под руководством Буручкома началась подготовка исторических очерков по истории бурят-монгол [31, л. 213-215]. В 1933 г. был опубликован сборник, в который вошла статья А. И. Убугунэ, где были подробно рассмотрены основные периоды инкорпорирования бурят в состав Российской империи [32, с. 6-8]. Он заметил, что последовавший за объяснением процесс колонизации неизбежно вел к нарастающему вовлечению бурят в товарно-денежные отношения [там же, с. 12].

В результате, научные изыскания склоняются к рассмотрению форм социально-экономического устройства бурятского народа, что сместило фокус с анализа конкретных нормативных документов к рассмотрению практик администрирования, их интерпретации в соответствии с классовой теорией.

Новый импульс в разработке темы связан с майским (1934 г.) Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании гражданской истории в школах, для реализации которого в июне 1934 г. состоялось совещание историков в г. Улан-Удэ, которое должно было осудить «буржуазно-националистических» историков и сформировать «единую линию» в

историческом процессе бурят [33, с. 1]. В результате был выработан ряд положений по разработке истории Бурят-Монголии, из коих выделяется замечание Ф.А. Кудрявцева о необходимости усилить работу с источниками и соответствовать [34, с. 90]. Б. Барадин поддержал эту позицию и отметил, важность овладения историками монгольским письмом [34, с. 120]. В данном ключе учеными Института востоковедения АН СССР в сотрудничестве с историками Бурят-Монголии была проведена большая работа по подготовке к публикации бурятских летописей [35; 36; 37; 38]. В результате в научный оборот был введен комплекс исторических сочинений, авторы которых как указывает Н.Н. Поппе, несмотря на классовые ограничения по-новому раскрывают историю бурят [39]. Ученый подчеркнул, что «произведения эти представляют особую ценность большим количеством сообщаемых фактов» и тем фактом, что они основываются на подлинных исторических документах [36, с. VI]. В поддержку этого мнения В.А. Казакевич подчеркнул, что история бурят-монгол должна рассматриваться «не только через призму русских завоевателей и колонизаторов, но и через рукописное наследие бурят-монгольского феодального общества» [37, с. IX].

Таким образом, мы видим, что советские исследователи в первое десятилетие советской власти следовали тем направлениям научной работы, которые были заложены и развиты их дореволюционными коллегами, прежде всего в проблематике нормативно-правовой базы самоуправления бурят, которая состояла из норм позитивного и обычного права.

### Список использованной литературы и источников

1. Кудрявцев Ф.А. Изучение истории Бурятии за годы Советской власти / Ф.А. Кудрявцев // Исследования и материалы по истории Бурятии. Труды БИОН БФ СО АН СССР. – 1968. – С. 27-40.
2. Дамешек Л.М. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма (1861-1917) : учеб. пособие / Л.М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. – 88 с.
3. Жалсанова Б.Ц. Источники и историография истории органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв. / Б.Ц. Жалсанова. – Иркутск : Оттиск, 2012. – 138 с.
4. Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начало XX в.) / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, В.П. Шахеров, А.С. Маджаров, Т.А. Перцева. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 261 с.
5. Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX – начало XX века) / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, А.А. Иванов, В.П. Шахеров. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. – 319 с.
6. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. – Санкт-Петербург : в Тип. 2 отд-ния Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1872. – Т. 1. – 801 с.

7. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее / Н.М. Ядринцев. – Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1882. – 471 с.
8. Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. Вып. 6: население, значение рода у инородцев и ламаизм. / сост. Н. Разумов, И. Сосновский. – Санкт-Петербург, 1898. – 165 с.
9. Кауфман А.А. Земельные отношения и Общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. / А.А. Кауфман. – Иркутск : «Вост. обозрение», 1900. – 179 с.
10. Рязановский В.А. Обычное право монгольских племен. Ч-2: Обычное право бурят / В.А. Рязановский. – Чита : Упр. Бурят-Монг. автоном. обл., 1921. – 120 с.
11. Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землевладение / И.И. Серебренников / под. ред. проф. Н.Н. Козьмина. – Верхнеудинск : Бурят-Монгольск. изд-во, 1925. – 226 с.
12. Жамцарано Ц. Обзорение памятников писанного права монгольских племен / Ц. Жамцарано, А. Турунов. – Б. м., 1921. – Вып. 1. – С. 1-13.
13. Сборник обычного права сибирских инородцев. / изд. Д.Я. Самоквасов. – Варшава : тип. И. Носковского, 1876. – 282 с.
14. Барадин Б. Бурят-Монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности / Б. Барадин // Бурятияведение. – 1927. – № 3-4. – С. 39–52.
15. Фридман С. Революция 1905 года и буряты / С. Фридман // Жизнь Бурятии. – 1925. – № 9-12. – С. 117-127.
16. Шашков С.С. Исторические этюды / С.С. Шашков. – Т. II. – Санкт-Петербург : Тип. А. Моригевского, 1872. – 349 с.
17. Бербэнк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России / Дж. Бербэнк // Российская империя в сравнительной перспективе. – Москва : Новое Издательство, 2004. – С. 188-210.
18. Гирченко В.П. Материалы по истории хозяйства и родового управления добайкальских бурят во второй половине 18-го и в начале 19-го века / В.П. Гирченко // Бурятияведение. – 1926. – № 2. – С. 7–14.
19. Якушин Е.И. Обычное право: Материалы для библиографии обычного права / Е.И. Якушин. – Ярославль : Тип. Губ. прав., 1875. – Вып. 1. – 249 с.
20. Сборник материалов по истории Бурятии XVIII-го и первой половины XIX века / под ред. В.П. Гирченко. – Верхнеудинск : Изд. Центр, Арх, упр. БМАССР, 1926. – Вып. 1. – 42 с.
21. Гирченко В.П. К истории бурят-монголов хоринцев первой половины XIX в. / В.П. Гирченко – Верхнеудинск : Гостип. НКПТ, 1928. – 21 с.
22. Манс Г.Ю. Программа по собиранию материала о народных воззрениях и юридических обычаях / Г.Ю. Манс // Бурятияведение. – 1925. – № 1. – С. 33–41.
23. Шульгин М.М. Землеустройство и переселения в России в XVIII и первой половине XIX вв. / М.М. Шульгин. – Москва : тип. Кооп-а «Наука и Просвещение», 1928. – 210 с.
24. Гирченко В.П. Социальное расслоение бурят-монголов в XVI-XIX вв. (исторический очерк) / В.П. Гирченко // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 2. – С. 100–108.
25. Гирченко В.П. Социальное расслоение бурят-монголов в XVI-XIX вв. (окончание) / В.П. Гирченко // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 3-4. – С. 60-65.
26. Гирченко В.П. Хоринские происшествия 1848-49 гг. и православная мис-

сия (исторический очерк) / В.П. Гирченко // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 1. – С. 119-124.

27. Ибрагимов Ш. О проявлениях великорусского шовинизма и местного национализма в Бурят-Монголии / Ш. Ибрагимов // Коммунистическая революция. – 1929. – № 13 (июль). – С. 44–50.

28. Ербанов М.Н. Решения ЦК ВКП (б) и задачи Бурят-монгольской парторганизации / М.Н. Ербанов // Жизнь Бурятии. – 1929. – № 5. – С. 3-15.

29. Бахрушин С.Б. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. (исторический очерк) / С.Б. Бахрушин // Советский север. – 1929. – С. 66–97.

30. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк / В.А. Рязановский. – Харбин : тип. Н.Е. Чернышева, 1931. – 306 с.

31. Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. – Ф. 1Б (Пятилетний план работ этноло-лингвистического изучения БМАССР, списки онгонов, зайянов, картин художников Сампилон, Дадуева, и др. 1928-29 гг.). – Оп. 1. – Д. 67.

32. Убугунэ А.И. Бурят-Монголы от завоевания царской России до свержения самодержавия / А.И. Убугунэ // От царской колонии до советской республики. – Москва ; Иркутск, 1933. – С. 5–27.

33. Базарон Р. К совещанию по вопросам истории Бурят-Монголии / Р. Базарон // Бурят-Монгольская правда. – 1934. – № 124. – С. 1.

34. К истории Бурято-Монголии: Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ / под ред. А.В. Шестакова, А.И. Ломакина. – Москва : тип. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1935. – 180 с.

35. Летопись Баргузинских бурят: тексты и исследования / А.И. Востриков, Н.Н. Поппе. Труды института Востоковедения VIII. – Ленинград : тип. АН СССР, 1935. – 75 с.

36. Летописи Хоринских бурят (хроники Тугултура Тобоева и Вандана Юмсунова) / Н.Н. Поппе // Труды института Востоковедения IX. – Ленинград : тип. АН СССР, 1935. – 172 с.

37. Летописи Хоринских бурят (хроника Шираб-Нимбо Хобитуева) / В.А. Казакевич. В-2 // Труды института Востоковедения IX. – Ленинград : тип. АН СССР, 1935. – 125 с.

38. Летописи Селенгинских бурят (хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова) / Н.Н. Поппе. В-1 // Труды института Востоковедения XII. – Ленинград : тип. АН СССР, 1936. – 55 с.

39. Поппе Н.Н. Проблемы бурят-монгольского литературоведения / Н.Н. Поппе // Записки ИВ АН СССР, 1935. – В-2. – С. 13–37.

### Информация об авторе

*Цыдэнэ Ширав Цыденович* – аспирант, младший научный сотрудник, Центр Восточных рукописей, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, email: tsydens@outlook.com.

### Author

*Shirap Ts. Tsydene* – Postgraduate Student and Junior Researcher at the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 4b Sakhyanovoj St., Ulan-Ude, 667004, e-mail: tsydens@outlook.com.